

Апокалипсис сегодня

Кент Нагано продирижировал своей женой и Российской национальным оркестром

В Большом зале консерватории впервые выступил знаменитый американский дирижер Кент Нагано. Дополнительную позитивность этому выступлению сообщала новая должность маэстро — «член дирижерской коллегии Российского национального оркестра». Гораздо менее воодушевляющим оказалось участие в концерте его жены — пианистки Мари Кодама.

Екатерина БИРЮКОВА

Миниатюрная японка Мари Кодама начинала вундеркиндом, училась у двух именитых русских педагогов — Татьяны Николаевой и Веры Горностаевой, занималась с самим Альфредом Брендем, кроме того, удачно вышла замуж и славится необыкновенной работоспособностью. В верхних октавах «Стенвея» она умеет извлекать красивые и равнодушные стеклянные звуки, в любой, самой виртуозной ситуации держится с устрашающим спокойствием и, судя по исполнению Второго фортепианного концерта Шопена, в повседневной жизни никогда не повышает голоса. На рояле ее форте по крайней мере выглядит весьма неестественно. Музыкальный мир, который создает Кодама, — столь же качественный, глянцевый, искусственный и неизбывательный, как мир за экраном хорошего телевизора. Выключить его никогда не жалко.

Музикализование блестательного мужа Мари Кодама тоже кажется примером высоких технологий: утрированные акценты, жесткие контрасты, какой-то неправдоподобный стереофонический звук. Но у Кента Нагано все это как раз доказательство его актуальности, соотнесенности со временем и власти над слушателем. Выключать его не приходит в голову.

Программа, которую выбрали супруги для московского выступления, вообще-то была для них довольно странная: Лист, Берлиоз и Шопен, которого к тому же играет изящная женщина в голубом платье. Сплошной романтизм. Сложно сказать, что они имели в виду. Ведь у обоих имидж специалистов по современной музыке (шесть лет назад, например, в полупустом зале Чайковского никому еще здесь не известный Нагано играл Бартока, Равеля и Джона Адамса).

Однако совершенно очевидно, что подобная программа — вовсе не поражение и не отступление, а скорее наоборот. Играт романтиков после Шенберга, Мессиана и Булеза — отважный вызов. И этот бой с чуждым чувственным и прекрасным веком Кодама проиграла, а Нагано — блестяще выиграл.

Уже в Прелюдах Листа, открывших концерт, стало ясно, что никаких уступок романтизму сделано не будет. От одной из самых страстных, красивых и наивных листовских поэм Нагано сумел получить прежде всего интеллектуальное удовольствие. Впрочем, в его исполнении сложно определить ту грань, за которой интеллектуальная конструкция вдруг наполняется эмоциональностью.

Вторым его сольным номером (и самым главным всего концерта) была Фантастическая симфония Берлиоза, которую такому

Конец света удался *Известия - 2003 - № 469 - с 10.*

мастера, как Нагано, сделать музыкой нашего времени — вообще раз плюнуть. В этом бесспорном шедевре он нашел много такого, о чем даже сложно было подозревать. В симфонии совсем не осталось ничего красивого и внешне

эффектного. Поразительно, с какой смелостью Нагано отказывался от тембровых красот, которыми можно завоевать слушателя прямо с первой ноты. Вместо этого дирижер рассказал долгую и очень странную историю, куль-

минацией которой была томительная, завораживающая, потускненная, напоминающая об экспериментах послевоенного авангарда «Сцена в полях». А к финальному «Шабашу ведьм» маэстро сумел создать ощущение

вполне реального апокалипсиса (о котором благодаря кино мы, похоже, знаем гораздо больше, чем современники Берлиоза).

Как ни аплодировала публика, «бисов» не было. Какие уж тут «бисы»?